

ВЕСЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Купол цирка, слегка подсвеченный, кажется в этот пасмурный вечер похожим на светлый холм над крышами города. До начала представления не меньше часа.

За кулисами тихо. На репетиционном манеже две девушки возятся с маленькой шустрой собачонкой, пытаясь заставить ее делать заднее сальто. Собачонка хитрющая: лакомый кусочек съедает мгновенно, а сальто делать не спешит, хотя, как видно, отлично понимает, что от нее требуется.

Где-то совсем близко негромко подают голос ученые кони — соскучились, поверное, в денниках, к тому же чувствуют, что подходит время их встречи с музыкой, большим светом, будоражащим шумом аплодисментов.

Слоны, тяжелые и громадные, глянули на меня, случайно к ним забредшего, равнодушно и отчужденно. Не тот человек, праздно любопытствующий, видали, мол, таких...

Обыкновенные чудеса... Но никогда, кажется, к ним не привыкнешь. Да и зачем привыкать к ним, чудесам! Не тем ли и пленителя цирка, что дарит нам чувство удивления, неразлучное с молодостью.

Клоуны, «рыжие» у ковра... Сколько столетий насчитывает эта профессия «человека смеха», воспетая в романтических балладах, трагедиях и комедиях! И неужели это интересно и нужно — быть клоуном в наш трезвый и реалистический век?

Белая с черными шашечками, знакомая по афишам, кепка пока спокойно висит на вешалке в артистической комнате, на двери которой дощечка с надписью: «Олег Константинович Попов». Еще без парика и без грима смотрит на меня простое, серьезное и мужественное лицо коренного человека, которого, пожалуй, привычнее было бы встретить в заводском пехе, чем в артистической комнате. И разговор наш начинается не с тайн интермедий и реприз, а с того,

что вот удалось наконец сделать стальные часы своей конструкции — должны ходить...

— Увлеченные?..

— Скорее потребность... Нет, часовщиком быть не доводилось, но привычка мастерить осталась... Отец у меня слесарь. И я, как это часто случается, пошел было по стопам отца. Слесарил! Работал, между прочим, на комбинате «Правда»... Особенно нравилось, — Попов улыбнулся, — когда посылали на кухню, в столовую: картофелечистку подремонтировать или еще что... Сорок четвертый год, сами понимаете...

По словам моего собеседника, у него вообще-то все шло нормально, и искать в его биографии каких-то крутых и необычайных поворотов судьбы не стоит. Увлёкся рабочий паренек спортом. Бегали с приятелем смотреть футбольные матчи, благо стадион «Динамо» рядом. Занимались в секции акробатики во Дворце спорта «Крылья Советов», на Ленинградском шоссе.

— Отсюда два шага до школы циркового искусства... За угол завернуть — и вот она, школа! Ну и завернул. Спросили: «Что умеешь?» Крутанул переднее сальто, причем от волнения хлопнулся, недокрутил... Сказали: «Ладно. Остальное приложится... Пойди пока, напил дров!»

«Завернул в школу...» Все вроде бы просто, буднично... А сколько за этим кроется труда, раздумий! Я сижу в переполненном зрительном зале огромного, как авиационный ангар, столичного цирка. Идет представление — международный фестиваль в двух отделениях. С участием народного артиста СССР Олега Попова. Увлекательнейшее творческое соревнование! После каждого нового номера думаешь, что уже нельзя, невозможно увидеть нечто более совершенное, и вот опять ловишь себя на том, что просидел весь очередной номер, раскрыв рот... Эквилибристика на велосипедах, выполняемая артистами Раймонс

из Германской Демократической Республики с такой принужденностью и легкостью, словно эти ловкие люди так и родились на велосипедах и не замечают их, как мы не задумываемся о своей походке; виртуознейший пластический этюд монгольской артистки Норовсамбуу; сложнейшие гимнастические трюки высоко под куполом цирка польской циркачки Лещневской... А вот и громады слонов, кото-

рые казались такими угрюмыми и неповоротливыми час назад, а сейчас кажутся почти изящными, по-особому артистичными. Животные на лету ловят команды чехословацкого дрессировщика Полаха...

Я смотрю вокруг себя и не вижу ни одного равнодушного лица. Чудеса есть чудеса, и этот вечер отдан им. Вечер дружбы циркового искусства. Он так задуман и так воспринимается с самого начала, с того момента, когда где-то наверху, под музыку марша стали как бы открываться светлые фотоокна в Будапешт и Софию, Берлин и Бухарест, Варшаву и Улан-Батор...

Представление идет в высоком темпе — сверкающий калейдоскоп мастерства. Есть, однако, лейтмотив, пронизывающий и связующий цирковой спектакль. Это не сразу ощущаешь. Просто ждешь, когда же снова появится на круг-

лой арене веселый человек в большой кепке. Мы уже аплодировали его виртуозному сольному номеру — эксцентрика на слабо натянутой проволоке. От души смеялись над немного наивной и традиционной пантомимой. Явно отдающей дань классике искусства клоунада. Нам понравились музыкальные шутки... Что еще подарит зрителям клоун у ковра Олег Попов? Кажется, на цирковом языке то, что де-

И аплодирует долго, дружно притихший было зрительный зал. И я опять гляжу вокруг, на лица соседей слева и справа и вспоминаю то, что говорил мне в артистической комнатке незадолго до начала спектакля Олег Попов:

— Хорошо принимают номер с голубем. Тепло... В зале ведь сидят матери, отцы. Я сам отец, понимаю: каждый в эти минуты думает о том, что нет ничего дороже и важнее мира на земле...

Заканчивается цирковая международная программа. Кто режиссировал этот спектакль, кому мы, зрители, обязаны тонкостью замысла, связующего в одно художественное целое такие разные по жанрам эпизоды циркового представления? «Постановка народного артиста СССР Олега Попова» — значит в программке.

За кулисами постепенно стихает возбуждение. Сняв грим, переодевшись, спешат по домам эксцентрики и акробаты, воздушные гимнасты и жонглеры... Многоязыкое «до завтра!» слышится там и здесь.

...Хотя уже довольно поздно, но Попов и его молодой коллега Алек Алешичев, кажется, намерены всерьез поработать. Алек что-то рисует быстрыми штрихами на листах ватмана, Олег Константинович поглядывает, одобрительно похмыкивает. На столике у зеркала, заставленном баночками грима, лежит раскрытая книжка. А. С. Пушкин. «Сказка о попе и о работнике его Балде». Готовится очередная премьера — детский спектакль-пантомима. У клоуна Алека за плечами изостудия. И так уж в них в творческом содружестве повелось: Алек первым делом готовит наброски мизансцен и трюков. «Чтобы перед глазами маячило, пока работаем», — говорит Попов.

Искания, искания... Буффонада и поэтическая классика... Совместимо ли? Олег Попов, уверен, докажет, что и эта

задача ему по плечу. Артистическое дарование «солнечного клоуна» глубоко и разносторонне. Поиски непроторенных дорог — неустанны.

— Как стал клоуном? Случайно и не случайно. Это, конечно, случайность, что заболел как-то в Саратове коверный и меня попросили временно заменить его... Однако куда существеннее то, что был у меня замечательный учитель Михаил Николаевич Румянцев, знаменитый Карандаш, клоун-философ, человек исключительно художественного такта, неистощимый выдумщик... И потом, я ведь действительно люблю свою должность веселого человека на земле и горжусь ею. Даже всю семью свою пристроил к цирку: жена — музыкальный эксцентрик, дочь танцует на проволоке... Был, как видите, один легкомысленный человек в почтенной семье, а теперь вот завелась целая семья циркачей!.. Ну, это, так сказать, в порядке отступления. Если говорить серьезно: товарищество сделало меня тем, что я есть сегодня. Творческая дружба, помощь, заинтересованность в моей актерской судьбе всех, с кем работал и работаю...

Освещенная изнутри афишка «Сегодня в цирке Олег Попов» долго еще была видна. На афише — человек в большой смешливой кепке улыбался редким в этот час прохожим. Таким смешным и улыбчивым знает клоуна весь мир. Вспомнились его слова: «Только в Африке не побывал, надеюсь, еще встретимся с этим континентом... Смех и шутку там тоже, думаю, любят...»

Везде любят смех и шутку. Юмор сближает, рождает тепло человеческого доверия. Этим целям и служит своим искусством советский клоун Олег Попов, веселый человек с добрым сердцем друга.

Михаил АЛЕКСАНДРОВ.

Ордена Ленина и ордена
типография газеты
125865, ГСП, Моск

ПРАВДА
г. Москва